

В.П. Казарин

**МОЙ УЧИТЕЛЬ ПРОФЕССОР Г.П. МАКОГОНЕНКО:
НРАВСТВЕННЫЕ И НАУЧНЫЕ ИТОГИ ОБЩЕНИЯ**

Выступление в Санкт-Петербургском государственном университете 20 апреля 2012 года на конференции, посвященной 100-летию Г.П. Макогоненко

«Достоинo, по-человечески хоронили светлого Макогоненко».

Из письма Б.Ф. Егорова Ю.М. Лотману от 10 октября 1986 г.

Здравствуйтe, коллеги!

Я очень рад, что могу сегодня быть на этой до боли знакомой кафедре и участвовать в научном заседании, посвященном такой большой и ответственной дате – 100-летию со дня рождения профессора Г.П. Макогоненко, – которая, несомненно, имеет важное значение.

Та полемика, которая развернулась в этой аудитории по ряду вопросов, связанных с наследием Г.П. Макогоненко, на мой взгляд, подтверждает актуальность отмечаемого нами юбилея.

Так как все мы сегодня в той или иной мере выступаем в своеобразном жанре поминального воспоминания (даже когда говорим о, казалось бы, сугубо научных проблемах), я позволю себе сообщить участникам нашего собрания еще об одном печальном событии, нуждающемся в поминовении: вчера, 19 апреля, мы в Украине потеряли крупного ученого-литературоведа с питерскими научными корнями – профессора Марка Вениаминовича Теплинского. Он умер на 88 году жизни в Ивано-Франковске.

Наш друг и коллега Марк Вениаминович был человеком достаточно трудной судьбы. Как и Г.П. Макогоненко, он был выходцем из Украины – родился в Полтаве (у нашего юбиляра харьковские корни). Учился Теплинский в Ленинградском госуниверситете, потом многие десятилетия был тесно связан с Пушкинским Домом и кафедрой,

на которой мы сегодня заседаем. Борьба с космополитами сделала необходимым его переезд в Петрозаводск. Я с ним познакомился на Дальнем Востоке, когда он преподавал в университете на Сахалине. Оттуда он переехал к себе в Украину в тихое и спокойное, как он думал, место – в Ивано-Франковск. Впрочем, в советское время у него отчасти были основания так думать. Он проработает в университете Ивано-Франковска многие годы, в итоге оказавшись в самом центре кипящего котла, связанного с украинским национальным возрождением и непростыми судьбами в новом государстве русского языка и его научной специальности – «русская литература», и многим-многим другим.

Царство ему Небесное!

Переходя к теме выступления, я сразу хочу сказать, что далеко не во всем соглашусь с выступлением моего коллеги и когда-то младшего товарища по аспирантской учебе у Г.П. Макогоненко – профессора П.Е. Бухаркина. Но когда он говорил о своих проблемах во взаимоотношениях с Г.П. Макогоненко как учителем, я поневоле вспоминал о трудностях, с которыми когда-то пришлось столкнуться мне.

У нас тоже не всегда были простые отношения с моим дорогим и горячо любимым Георгием Пантелеймоновичем. Но мне кажется, что эта история как раз с хорошей стороны ярко и выпукло высвечивает нравственный облик нашего наставника.

Первоначальная тема работы, которую я писал у Г.П. Макогоненко, была сформулирована очень широко – там были и Пушкин, и Лермонтов, и Гоголь. Могу сказать, что в своей докторской диссертации я, в известном смысле, реализовал этот первоначальный замысел моего руководителя.

Свои аспирантские штудии я начал с исторической прозы Гоголя как одного из разделов будущей работы. В результате, удалось кое-что важное выяснить – передатировать гоголевские исторические отрывки, атрибутировать некоторые из них и прочее. Г.П. Макогоненко с одобрением к этой работе относился, помог мне опубликовать большую статью в журнале «Русская литература».

Но в итоге своих разысканий и раздумий я вступил в противоречие с концепцией моего учителя. Как известно, он был не только стонронником, но и одним из теоретиков «реалистической» точки зрения на творчество Пушкина, Лермонтова и Гоголя, которые, согласно ей, продолжая традиции «просветительского реализма» русской литературы XVIII века, последовательно преодолевали свои ранние романтические представления, двигаясь к рубежам критического реализма.

Я же, чем больше занимался Гоголем, тем больше приходил к выводу, что его творчество – это другое эстетическое качество, чем реализм. И это касается и «Тараса Бульбы», и петербургских повестей, и (тогда это было полной крамолой!) – «Мертвых душ», которые, конечно же, являются романтической поэмой, хотя и особого вида.

В результате Г.П. Макогоненко начинал приходиться в определенное недовольство мною. Он несколько раз мне говорил: «Ну ладно, возвращайтесь в главное русло того, о чем мы с вами договорились, и того, что мы с вами задумали».

Он предупредил меня как бы раз, предупредил как бы два, три, а я продолжал упорствовать в своем понимании этих вопросов. И он подверг меня остракизму: Георгий Пантелеймонович перестал со мной здороваться. В буквальном смысле слова. Вот он идет по коридору, я встречаюсь с ним и говорю: «Здравствуйте, Георгий Пантелеймонович!» И он молча и величественно проходит мимо, совершенно меня не замечая.

Как это по-макогоненковски! Он весь в этом поступке – эмоциональный, открытый, по-мальчишески (несмотря на возраст) несдержанный, ранимый и обидчивый, лишенный всякого закулисного иезуитства!

С другой стороны, в этом его шаге был глубокий педагогический подтекст. Подопечный добивается полной самостоятельности в своей исследовательской работе? Отлично, предоставим ему эту самостоятельность и посмотрим на результат его работы.

Это продолжалось года полтора.

И одновременно, дорогие друзья, как я узнал уже позднее, он, так сурово с человеческой точки зрения наказывавший меня, регулярно

продлевал мою учебу в аспирантуре. Я однажды зашел за каким-то документом в отдел аспирантуры ЛГУ к заведующей Вере Анисимовне Козиковой. Она была из числа старых партийных кадров, которые своей преданностью делу в какой-то мере еще оправдывали тогда безграничную власть КПСС. Но таких было очень и очень мало. У нас с ней были хорошие, человеческие отношения. Она к нам, аспирантам, относилась по-матерински, хотя и была весьма требовательной. И вот она мне говорит: «Вы жалуетесь на строгость Макогоненко, а он вас каждый квартал положительно характеризует и подписывает вашу аттестацию».

Оказывается, он, недовольный мною, переставший со мной здороваться, все это время систематически и молча меня переаттестовывал!

Казалось бы, чего проще, ученик не хочет его понимать, упорствует в своих заблуждениях, не прислушивается к советам, не разделяет научные взгляды. Ждем через три месяца очередную аттестацию, он дает мне отрицательную характеристику, и все – я поехал назад к себе во Владивосток (меня направил в аспирантуру Дальневосточный госуниверситет, куратором которого тогда был ЛГУ), аспирантура закончилась, диссертации нет.

Г.П. Макогоненко этого не сделал! И я продолжал квартал за кварталом учиться в аспирантуре, получал неплохую стипендию, жил в хорошем аспирантском общежитии на Васильевском острове и благополучно продолжал писать то, что мой руководитель считал научной ересью.

Это стало для меня большим жизненным уроком! Он – такой титулованный и знаменитый, наделенный властью и авторитетом, которому ничего не стоило победить меня в этом смешном противостоянии, проявил благородство, уважение к тому, кто был в этом противостоянии слабее его. Он не позволил себе побеждать меня ненаучным способом. Как я теперь понимаю, он помнил о тех сотнях и тысячах случаев из своей жизни и жизни своих современников, когда облеченные властью люди на его глазах делали с другими людьми все, что они хотели. И этот тяжелый жизненный опыт вошел в его

плоть и кровь, сделав мудрым, а от него – незримо, без слов, через личный пример учителя – переходил ко мне.

Во многом я грешен, но никогда студенты не сдавали мне экзамен по пять раз, никогда ни один мой аспирант или докторант не был отчислен по моей инициативе, никогда исповедывание другой точки зрения не являлось препятствием для публикации статей в редактируемых мною сборниках или для защиты диссертаций в возглавляемом мною уже 12 лет докторском спецсовете.

И второй пример на эту же тему. В августе 1977 года я закончил свою диссертацию, отпечатал ее собственноручно на пишущей машинке и принес Г.П. Макогоненко в сентябре на эту самую кафедру. Я думаю, многие еще помнят, что у стены, где сейчас размещены фотографии ученых кафедры прошлых лет, стоял его стол. Он взял мою работу для чтения. В отличие от меня, он очень тщательно читал работы своих учеников. Я, признаюсь, терпеть не могу читать дипломы и диссертации моих подопечных. Есть у меня такой недостаток. Я усаживаю их напротив и начинаю с ними беседовать об их работе. В разговоре для меня все становится ясным. Такая «отстраненная» манера работы не помешала однако 17 моим аспирантам стать кандидатами наук, а 6 ученикам – докторами наук.

Г.П. Макогоненко все тщательно читал. У меня сохранились рукописи (я их берегу) с его пометами, возражениями и отсылками. Он был очень внимательный и скрупулезный в этом отношении человек.

Он взял мою работу для ознакомления на полторы-две недели. Ровно в назначенный день я прихожу на беседу, и он мне говорит: «Ну, Владимир Павлович, я не виноват, но работы у вас нет. То, что вы принесли, это не работа, потому что здесь нет этого, этого, этого...» Он подробно перечислил все, что в моей работе, с его точки зрения, отсутствовало.

Я до сих пор помню этот ясный осенний день. У меня было какое-то странное полуобморочное спокойствие. Я говорю: «Георгий Пантелеймонович, вы совершенно правы, всего того, что вы перечислили, в моей работе нет. Она про другое написана. Она об этом, об этом, об этом...»

Макогоненко останавливает меня: «Владимир Павлович, мы перестали друг друга понимать. Пусть нас рассудят другие. Сколько у вас экземпляров диссертации? Три? Отлично». И он подзывает к столу находившихся в это время на кафедре профессоров Г.А. Бялого и И.Г. Ямпольского: «Мой аспирант закончил диссертацию. Ее надо обсудить на кафедре. Не могли бы вы выступить рецензентами по этой работе?»

Наши мэтры согласились, была назначена дата следующей встречи (еще недели через две-три), я доставил каждому из них экземпляр своей работы.

Наступает время новой встречи. Мы садимся к столу Г.П. Макогоненко, и, помню, первым начал разговор Г.А. Бялый. Он, к моему изумлению, сказал очень хорошие слова о работе, поздравил с успехом меня и моего учителя. Потом к разговору подключился И.Г. Ямпольский, который тоже высказал свое полное одобрение.

Я понял в этот момент, что мой учитель им ни слова не сказал о своем отрицательном отношении к диссертации. Он совершенно не пытался их как-то предварительно ориентировать или настраивать. Полная чистота эксперимента: возьмите работу, прочтите ее и скажите ваше мнение. И они приходят и хвалят меня ему, который три недели назад меня жестко критиковал.

Г.П. Макогоненко, конечно, не изменил своей точки зрения как ученый. Но позиция двух близких ему людей заставила его почувствовать некоторый моральный долг передо мной за последние непростые полтора года наших отношений. И он опять поступил по-макогоненковски – красиво и щедро. Он сделал мне царский подарок. Тогда как раз все кандидатские филологические советы Советского Союза ушли на реорганизацию, которая затянулась почти на два года. Пока еще продолжали работать только докторские советы. Наш коллега испанист З.И. Плавский передвинул на четыре месяца свою докторскую защиту, и Макогоненко поставил на освободившееся место мою диссертацию. Я защитил в мае 1978 года на докторском совете свою кандидатскую, а мои друзья по аспирантуре вынуждены были ждать еще год-два, пока их советы возобновят работу.

Я сказал о его нравственном влиянии на всех нас. Теперь перейду к его влиянию на учеников как ученого.

Сегодня уже говорилось о том, как Г.П. Макогоненко тонко чувствовал текст. Я думаю, что я многому у него научился именно в этом отношении.

Все мы знаем отзыв Пушкина 1836 года на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. Пушкин пишет о том, что эта книга когда-то «заставляла нас смеяться», не смеявшихся «со времен Фонвизина». Потом он отмечает, что талант Гоголя продолжает «развиваться и совершенствоваться», что писатель подарил нам новые повести, среди которых Пушкин выделяет «Тараса Бульбу», «коего начало достойно Вальтера Скотта».

Какая высочайшая оценка гоголевской повести: она признана достойной самого Вальтера Скотта!

Г.П. Макогоненко в ответ на мои восторги говорит: «Ты внимательно читаешь, что здесь написано? Написано “коего начало достойно Вальтера Скотта”. Получается, что весь “Тарас Бульба” не достоин Вальтера Скотта. Достойно только начало, но не середина и не конец».

Это очень глубокое замечание. Оно дает ключ к пониманию подлинных творческих взаимоотношений Пушкина и Гоголя. Он вскрывает их реальную сложность. Г.П. Макогоненко потом развивал это свое наблюдение в одной из работ, а я писал о смысле этой фразы со ссылкой на него.

У него было это умение увидеть какую-то деталь, выхватить ее из текста и на ее основании потом начинать выстраивать совершенно новое концептуальное понимание исследуемого материала. Изначально взятый правильный ракурс позволял ему, разматывая клубок проблем, приходиться к глубоким, ярким и оригинальным выводам, имевшим уже не частный, а широкий, обобщающий характер.

В моих исследованиях эти уроки Г.П. Макогоненко привели, в частности, к тому, что я написал цикл статей, посвященных проблемам реального комментария к произведениям русских писателей. Одной из первых была работа о стихотворении О.Э. Мандельштама

«Золотистого меда струя из бутылки текла...». Я – внук вологодского пчеловода, я много раз помогал деду на пасеке. Я твердо знаю, что мед не разливают в бутылки. Это подтвердит любая хозяйка, потому что ей известно, что мед со временем засахаривается. Почему поэт это написал в своем стихотворении, созданном в августе 1917 года в Алуште? Почему «хозяйка» – жена Сергея Судейкина, у которых он был в гостях, тоже полагала, что они с мужем подают на стол именно мед?

И однажды мне замечательная крымская писательница из Алушты – Елена Криштоф – говорит: «Владимир Павлович, Мандельштам и Судейкины – люди питерские, они не знают ориентального Крыма, они не поняли, что татары продают им не мед, а бекмес – сироп, вываренный из сока винограда, яблок или груш». С высылкой из Крыма в 1944 году крымских татар, а затем греков, болгар и армян эта традиция на полуострове умерла. А, например, в Стамбуле и в Тбилиси вам в магазине продадут бекмес и сегодня.

Из этой детали, которую «раскрыла» этнографическая история Крыма, началась череда микроисследований, позволивших совсем по-новому прочитать стихотворение О. Мандельштама.

Г.П. Макогоненко научил меня «цепляться» к словам, к фразам, к тексту. Это позволяет раскрывать текст как раковину и прочитывать его сокровенные тайны, скрытые от невнимательных глаз. Именно поэтому я посвятил в 2010 году памяти моего учителя свою итоговую книгу о Пушкине в Крыму, которая обобщает результаты двадцатилетних разысканий. Эта книга во многом выросла из уроков Георгия Пантелеймоновича.

И теперь, наконец, третье.

Дорогие коллеги! Г.П. Макогоненко очень крупная личность. Это сегодня было несколько раз уже сказано. Я после аспирантуры все эти 35 лет жил и работал в провинции, достаточно далеко от столиц. С учителем я общался, пока он был жив, только через переписку. Потом его не стало. И вот лет 10-15 назад я стал все отчетливее ощущать, что я, как ни странно, продолжаю жить в мире, который он создал. Я живу в кругу его идей, его поступков, его научного и чело-

веческого наследия. Я живу в мире, который до сих пор во многом ему принадлежит.

Профессор П.Е. Бухаркин заметил, что интерес к наследию Г.П. Макогоненко постепенно сходит на нет. Это совершенно неверно. Это неверно в узком смысле слова, если говорить о статьях и книгах нашего с ним учителя. Зайдите в Интернет и посмотрите хотя бы индекс его цитирования. Он сегодня у него выше, чем у многих из нас. Мои студенты с удовольствием и пользой читают книги Г.П. Макогоненко. Они ярко и увлекательно написаны. В известном смысле, они написаны в форме научных романов. Это был стиль эпохи. Так, например, писали свои исторические труды академики Е.В. Тарле и А.З. Манфред.

Тем более это утверждение неверно в широком смысле, если говорить о Г.П. Макогоненко как яркой и влиятельной личности его эпохи. Он продолжает жить как реальная фигура современного гуманитарного пространства. Докажу это примерами.

Лет пять назад в Севастополь приехал на съемки фильма наш известный режиссер Алексей Учитель. Я тогда работал в этом городе в государственной администрации, курировал гуманитарные проблемы, мне поручили ему оказывать административное содействие. Как-то мы с ним разговариваем, и он узнает, что моим учителем был Г.П. Макогоненко. И Алексей Учитель говорит мне, что его отец работал на Ленфильме в те же годы, когда там работал (во время очередного зигзага своей яркой и трудной судьбы) Георгий Пантелеймонович. Они тогда дружили, а значит, и мы с ним тоже должны сегодня дружить. Имя Макогоненко стало сигналом, пропуском, знаком, что люди из его окружения могут доверять друг другу. Это пример не из мира литературы. Это пример того, как имя Макогоненко продолжает жить в мире кино. Кстати, достаточно вспомнить в этой связи, какую роль он сыграл в выходе на экран фильма «Солдаты», снятого по роману Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда».

Другой пример – из мира живописи. Многие годы я знал в Крыму народного художника Украины, выдающегося мастера акварели Якова Басова. У него ленинградские профессиональные корни – он

учился в Репинке. И только недавно стало известно, что Яков Александрович был тем человеком, который спас после гибели Бориса Корнилова от ареста и ссылки его вторую жену – Люсю. Он женится на ней (вдове врага народа!), даст ей свою фамилию и увезет с собой в Крым. И органы НКВД, у которых она была под подпиской о невыезде, ее просто потеряют.

Полгода назад в Питере вышел целый том документов и воспоминаний о Борисе Корнилове, о его первой жене – Ольге Берггольц, о Люсе, о многих знаменитых людях из окружения нашего выдающегося поэта, убитого властью. И в этом томе, рассказывающем о жизни как поэта, так и художника, мы снова и снова встречаем имя Г.П. Макогоненко.

Мы встречаем его имя снова и снова в самых разных контекстах, потому что нельзя говорить о довоенной советской науке и культуре, не упоминая его; нельзя говорить о войне и блокаде, не вспомнив его; нельзя говорить о послевоенной жизни Ленинграда и страны, не называя его. Нельзя, потому что фронт и блокада, кино и литература, музыка (это ведь была его идея исполнить в блокадном Ленинграде Седьмую симфонию Д.Д. Шостаковича!), театр и журналистика, академическая наука и университет, проекты научные и издательские, конгрессы и семинары внутрисоюзные и международные – все это вместила в себя его биография – яркая, бурная, опасная и полнокровная.

Он продолжает учить и наставлять нас всех и сегодня. Меня так точно. Вот на стене кафедры размещена целая фотогалерея выдающихся ученых-литературоведов, работавших здесь в разные годы. Среди них – Б.В. Томашевский. Моя кафедра русской и зарубежной литературы в Таврическом национальном университете имени В.И. Вернадского и Музей А.С. Пушкина в Гурзуфе уже много лет проводят в день рождения Бориса Викторовича – 29 ноября – вечер его памяти, постоянно приводят в порядок его могилу и могилу его жены – И.Н. Медведевой-Томашевской, периодически издают посвященные выдающемуся пушкинисту сборники трудов.

И это все – тоже наследие Г.П. Макогоненко, его наказ нам, крымским литературоведам, его наставление, его завещание и урок.

Несколько слов о той полемике, которая возникла в связи с кажущейся переменчивостью взглядов наших учителей на проблему «власть и народ» в поэме «Медный всадник».

Коллеги! 75-летие какого события мы переживаем в эти месяцы в наших странах? Этот юбилей проходит так странно и так тихо, что диву даешься. У себя в Украине я не могу добиться, чтобы солидные журналы отреагировали на него, хотя Украина стала жертвой этих событий едва ли не больше всех.

Это 75-летие начала Большого Террора – 1937 год! Сталин даст стране провести в феврале широко и шумно мероприятия, посвященные 100-летию смерти Пушкина, а потом соберет (конец февраля – начало марта) пленум ЦК ВКП(б), который призовет партию и страну к «ликвидации троцкистских и иных двурушников».

Борис Корнилов, имя которого мы сегодня уже упоминали, как раз и станет одной из первых жертв этой эпохи «Большого Террора»: его арестуют в марте, будут допрашивать и пытаться, добьются признательных показаний и через 11 месяцев расстреляют.

Я думаю, что мы, сегодняшние, недостаточно учитываем, в каких условиях занимались литературной наукой наши предшественники. Это было другое время, жесткое и жестокое, с постоянными крутыми переменами и «сломами» всего бытия.

Мы с вами, коллеги, наследники 1937 года, потому что он, начавшись когда-то, не закончился до сих пор. За 1937-м последовал 1949-й со своей борьбой с космополитами, потом пришло время «дела врачей», потом была травля Бориса Пастернака в 1958-м по поводу присужденной ему Нобелевской премии, а потом начнутся 60-е с их специфическими делами и процессами, и так до самой перестройки. И когда уже М.С. Горбачев находится у власти, Рейган 8 декабря 1987 года в Рейкьявике спрашивает его о судьбе Василя Стуса, украинского поэта, политзаключенного, который скончался в лагере Кучино в ночь с 3 на 4 сентября 1985 года. Зная о том, что этот вопрос будет задан, советское руководство именно в день встречи президентов СССР и США ликвидирует лагерь в Кучино и начинает процедуру освобождения всех заключенных, о чем сообщает американской

стороне. Какая трагическая реальность «демократического» времени: задал бы Рейган свой вопрос на два года раньше, Василь Стус, вероятно, остался бы жив и тоже обрел бы свободу.

Мы должны понимать, что сама атмосфера, степень «густоты воздуха», в которой наши учителя-предшественники жили, была совершенно другой. И поэтому свои работы по той же проблеме «власти и народа» в «Медном всаднике» Пушкина они писали не только как сугубо литературоведческие. Это каждый раз было изложение своего понимания того, что есть справедливость, правда и добро в этой жизни. И внешним образом они вроде бы размышляют о Всаднике, Евгении и Параше, но одновременно и неявно все время думают о том, что с ними и страной сегодня происходит. Они были не только литературоведами. Они были социальными мыслителями, созидателями общественного сознания своего времени. Именно этими настроениями рождены, несомненно, вот эти слова моего учителя в одной из его научных статей: «Петербург как памятник строился более века. Он стал памятником и тому, кто дерзко его замыслил, и народу-строителю, создавшему этот город, воплотившему, ценой невероятных усилий и страданий, этот замысел. Образ-символ Петербурга раскрывал глубокую мысль Пушкина о богатейших возможностях нации, когда она возглавляется великим человеком, умеющим понимать и ставить исторические задачи, поднимать миллионы людей на их решение».

Именно это, несомненно, имела в виду О.Ф. Берггольц, когда самой себе надписывала книгу Г.П. Макогоненко 1956 года «Радищев и его время»: «Сюда, в эту умную и страстную книгу вложен огромный отрезок его и моей жизни, – со всем счастливым и горьким, что в ней было. Эта жизнь останется со мной навсегда. Ее уже никто и ничто не в силах отнять у меня, даже сам Юра...»

Конечно же, когда наши предшественники и учителя писали о проблеме «власти и народа» в «Медном всаднике», они имели в виду не только эпоху Пушкина и его царей – Александра I и Николая I. Они имели в виду также свое время и фигуру Сталина. И первоначально они надеялись на плодотворное и гуманное развитие госу-

дарственной мощи, и потому отдавали приоритет в своих толкованиях «Медного всадника» Петру. А потом, когда они увидели, куда поворачивает колесо советской истории, их симпатии окончательно и бесповоротно перешли на сторону «маленького человека». Разве это участие современности в истолковании литературного произведения является чем-то странным? Разве мы, сегодняшние, не учитываем (сознательно или бессознательно) в своих построениях поступки наших современных руководителей – от Путина до Януковича? Так или иначе, конечно, учитываем.

Да, у них были противоречия, связанные с тем, что они менялись вместе со своим временем. А кроме того у них были противоречия, которые они не могли преодолеть, потому что само время, породившее эти противоречия, не могло их преодолеть.

Вечная ему память! Он остается нашим современником. Он наш спутник навсегда. Он переживет нас, сидящих в этом зале. Мы до сих пор живем в системе его координат. Мы до сих пор живем в мире, который был создан им и его выдающимися современниками. Будем ему и им за это благодарны.